

СМИРЕННЫЙ БУНТАРЬ
 К ВОПРОСУ О МИРОВОЗЗРЕНИИ АРХИЕПИСКОПА АНДРЕЯ
 (КНЯЗЯ УХТОМСКОГО) (*Продолжение*)

АЛЕКСЕЕВ И. Е.

HUMBLE RIOTER
 IDEOLOGY OF ARCHBISHOP
 ANDREY (DUKE UKHTOMSKY)
 (*Continuation*)

ALEKSEEV E. E.

В статье рассматривается жизненный путь и мировоззрение одного из самых авторитетных представителей Русской православной церкви конца XIX – начала XX вв. епископа Сухумского Андрея (в миру князя А. А. Ухтомского).

The article considers the life journey and ideology of one of the most recognized Russian Orthodox Church representatives of the late XIX – early XX centuries Bishop of Sukhumi Andrey (secular name Prince Ukhtomsky).

Ключевые слова: епископ Сухумский Андрей, князь Ухтомский, мировоззрение.

Keywords: Bishop of Sukhumi Andrey, Prince Ukhtomsky, ideology.

УДК 271.2:929

«ОРГАНИЗУЙТЕ РУССКУЮ СИЛУ, ОРГАНИЗУЙТЕ ПРИХОД...». Панацеей от всех внутренних бед России и русского народа владыка считал устройство православного прихода. «Спасение наше в приходе! — восклицал он. — Он спасёт нас и от западного развращения, и от восточного рабства!». Трудно найти проповедь или статью о. Андрея, которая не содержала бы страстного призыва к немедленному созданию приходов и объединению в него православных людей. Этой идеей он постоянно буквально «бунтовал» и «верхи», и «низы» (в т. ч. — «ещё оставшихся в живых» помещиков, а также — фабричных и заводских рабочих), осыпая горькими упреками тех, кто выражал хоть малейшие сомнения по поводу необходимости устройства приходской жизни либо чинил этому делу вольные или невольные препятствия.

Соответственно, архимандрит Андрей считал, что и целью существования право-монархических обществ и союзов должно было стать возрождение «снизу» церковно-приходской жизни и православного образа жизни, а не занятие «политикой», к чему он постоянно (в т. ч. с помощью резкой, нелицеприятной критики) подталкивал местных черносотенцев. Безусловно, в этом проявлялся определённый социальный идеализм владыки, но одновременно с этим нельзя не признать, что идея повсеместного возрождения приходской жизни находила ещё тогда живой отклик в сердцах многих православных людей и отнюдь не являлась «клерикальной химерой», каковой представляли её либеральные и «пролетарские» историки. Тогда — в начале XX в — архимандрит Андрей искренне верил, что светлое приходское будущее не за горами. «Истинный, русский нравственный социализм, — писал он, — дойдёт скоро до глубин души народной и объединит Россию в великую семью, стройную и сильную, не разбитую на партии.

И если бы наши фабричные и заводские рабочие объединились вокруг русского прихода, если бы они потребовали, чтобы во главе их стоял член их православного

прихода, то теперь в забастовках не было бы для них и нужды, да и забастовки для них кончались бы гораздо выгоднее».

При этом особые ожидания о. Андрей возлагал на право-монархические организации, как ставящие «во главу своей политической программы служение святой Церкви», полагая, что «пастырю Церкви можно говорить с ними на одном языке, и есть надежда быть понятым». Вместе с тем он считал, что уже на второй строчке своей программы «Русское Собрание» делает ошибку, требуя для православия какого-то для него обидного и ему по природе чуждого «господства», категорически возражал против «грешного» девиза «Россия для русских!», предлагая заменить его на девиз «Святая Русь на службе миру!», а также критиковал черносотенцев за «неподвижность» и «грубые тактические ошибки». Однако, как это не покажется странным некоторым современным историкам, отстаивание своей собственной точки зрения по многим принципиальным вопросам не помешало архимандриту Андрею принимать активное участие в деятельности местного черносотенного движения.

Дискуссии, возникавшие между владыкой и некоторыми представителями этого движения, несмотря на серьёзные расхождения во мнениях, отнюдь не привели к его «низвержению» из черносотенной среды. Напротив, аргументированная принципиальность архимандрита Андрея лишь укрепила его авторитет среди правых монархистов. Помимо прочего, данное обстоятельство является свидетельством того, что черносотенство вовсе не было — в силу своей «врождённой идеологической нетерпимости» — закрыто для дискуссий (как это долгое время представляли советские «исследователи»), если, конечно, эти дискуссии не преследовали своей целью откровенную дискредитацию традиционных основ русского миропорядка и идеологическое уничтожение оппонента.

Утверждая в 1906 г., что в руках правых монархистов имеется «сила нравственного закона», но их «вера без дела мертва», архимандрит Андрей пророчески призывал черносотенцев: «Напишите это, припишите к своему знамени; осуществите этот догмат всякой общественной жизни в своей, и вы будете несокрушимы; иначе обеспечено на Руси торжество социализма, за которым имеются несомненные фактические заслуги. Заметьте, что социализм тем и силен, — особенно у нас в России, — что он

имеет на себе всю личину истинно-нравственных организаций. Он велик своею показною стороною; и русский человек, всей душой стремящийся к живой вере, оказывается теперь рад уже хотя бы живым делам и уже почти отвернулся от мёртвой веры наших официальных покровителей “господствующей” церкви».

Чтобы этого не произошло, архимандрит Андрей призывал правых монархистов перестать, наконец, «отбиваться», занимаясь только «подсчитыванием отечественных несчастий», и мобилизовать все свои творческие силы и бросить их в прорыв на главном направлении: «Итак, — указывал он, — организуйте русскую силу, организуйте приход. <...> Вот благородная и великая задача, и историческая заслуга, несомненно, будет за “патриотическими” собраниями, если они возьмут немедленно в свои руки организацию приходов. Одно духовенство слишком для этого косо, слишком отвыкло от дела живого и привыкло к опаздыванию везде и на всяком деле. А у “Русских Собраний” есть и опыт политический, и знания, и развязанные руки.

Побольше энергии и дела нужно! И самое необходимое будет сделано!

За этим главным делом, когда русский народ будет скреплён и спаян христианским социализмом (церковно-приходской общиной) и будет силен для того, чтобы не поддаваться никакой пропаганде и никакому нашествию иноплеменников, когда все православные инородцы с радостью будут признаны о Христе братьями в русской семье, тогда всё остальное, само по себе чрезвычайно важное, будет уже логическим последствием этого великого начала обновления Руси».

При этом главную поддержку и помощь в деле устроения приходской жизни архимандрит Андрей призывал русских людей просить у царя, подчёркивая, что «без Царской помощи русской жизни никогда не воскреснуть», т. к. слишком много врагов у приходских учреждений. В одной из своих статей 1906 г. он предлагал конкретный перечень основных «узаконений», которые следовало убедить сделать монарха, а именно: 1) признать за православными приходами статус юридических лиц; 2) возратить православным приходам «право заведывания и распоряжения местными церковно-общественными силами и капиталами», равно как и право «свободного приобретения на имя прихода

движимого и недвижимого имущества»; 3) упорядочить издавна существующее право прихожан избирать членов причта; 4) признать за православными приходскими значения «не только церковной, но и земской единицы». Если же русские люди не объединятся около своих храмов и не помогут царю отстоять «Русь нашу святую», то, как предрекал архимандрит Андрей, «не спасти нам русской жизни, не стоять и родине нашей, — сначала внутренние враги её растреплют, а потом и чужие народы придут на нас».

Вместе с председателем Совета КО РС А. Т. Соловьёвым, он отстаивал идею проведения выборов в Государственную Думу по приходам, ходатайствуя о содействии в этом деле перед своим духовником — архиепископом Волынским и Житомирским Антонием (в миру А. П. Храповицким), «Русским Собранием» и другими известными лицами, общественными организациями и государственными учреждениями. Так, например, 26 апреля 1906 г. на очередном заседании КО РС было заслушано и одобрено предложение А. Т. Соловьёва и архимандрита Андрея «послать бумагу еп. Антонию Волынскому и Петербургскому “Рус. Собранию” о том, чтобы они хлопотали пред кем следует о разрешении производить выборы в [Государственную] Думу по приходам» [9].

В июле того же года Советом КО РС было решено отправить на имя председателя Совета министров — для поднесения Императору Николаю II — «адрес» с выражением одобрения по поводу роспуска Первой Государственной Думы, в котором, в частности, говорилось: «Тебе Господь вложил в сердце созвать собор церкви Русской. Ныне повели, Государь, чтобы собор этот был созван в возможно ближайший срок и во всяком случае ранее созыва новой Государств.[енной] Думы, чтобы жизнь русская получила нравственную оценку со стороны церкви и подъём религиозного духа сплотил православную Русь и указал новые пути её жизни». Одновременно, в духе архимандрита Андрея, казанские эрэсовцы доводили до сведения монарха, что его царская воля об организации приходов «не исполнена, приходской жизни нет на Руси православной». «Посему, — говорилось далее, — укажи твёрдо и неуклонно, чтобы приходы и приходские советы немедленно объединили и примирили всех в Царстве Твоём. Пастыри должны пасти церковь Бога живого, а нерадивым

пастырям да не будет места среди паствы православной. А архипастыри русские да укажут своим помощникам — пастырям пути воссоздания жизни приходской и чрез неё обновления отечества нашего». Когда же будет восстановлена жизнь прихода, тогда, как утверждали казанские эрэсовцы, «и выборы в будущий земский собор можно будет произвести по приходам и выбраны туда будут люди, преданные церкви православной, и верные сыны, а не изменники для своей родины».

Как «громадную победу» приходской идеи расценил архимандрит Андрей решения Третьего Всероссийского съезда Русских Людей, проходившего 1–7 октября 1906 г. в Киеве, где, по его словам, «серьёзно был поставлен вопрос об организации приходов и признания за ними прав так называемой мелкой земской единицы», а также «уже введена в общую программу всех монархических партий» система выборов в Государственную Думу по приходам. Это вселило в архимандрита Андрея надежду на то, что правые монархисты переходят, наконец, в «приходском вопросе» от слов к делу, и побудило его, несмотря на все имеющиеся принципиальные разногласия, ещё более сблизиться с ними.

А тем временем на архимандрита Андрея, не перестававшего критиковать «крайне правых» за чрезмерное, с его точки зрения, увлечение политической борьбой, и на самого посыпались «слева» обвинения в «партийности» [10]. Отвечая на последние, в 1908 г., к тому времени — уже епископ Андрей — писал в казанской газете «Русь Православная и Самодержавная»: «Меня очень часто обвиняли в партийности, т. е. в том, что я могу беспричинно предпочитать одних людей пред другими. Эти обидные для меня обвинения совершенно несправедливы: без основательной причины никому ни по какому поводу я не делал предпочтения. Если же “Союз русского народа” ближе для меня, чем другие партии, то это потому, что он сам по своему духовному строю всецело присоединился к моим воззрениям, и ни одного своего убеждения я не переменил ради того, чтобы “Союз” принял меня в первые свои ряды, за что я его глубоко благодарю.

Кроме того, я не считаю “Союз русского народа” партией; этот “Союз” и есть русский народ, те бесхитростные, лукаво не мудрствующие люди, для которых вера всего дороже на свете и которые своей веры не стыдятся.

Для них православие дороже всего; оно даёт им содержание всей их немногосложной, но по идеалам — очень высокой жизни».

Заметную роль в вовлечении владыки в черносотенное движение, судя по высказываниям самого епископа Андрея, сыграла позиция его духовника — архиепископа Волынского и Житомирского Антония (в миру А. П. Храповицкого). «Против моих статей о развитии церковной и приходской жизни, — сообщал он там же, — говорили и писали (и на них жаловались) достаточно. Но меня огорчало исключительно то, что на них очень неблагоприятно смотрели и многие мои учителя, мнением которых я дорожу. Какова же была моя радость, когда архиепископ Волынский Антоний недавно циркулярно предложил своему духовенству статью во главе отделов “Союза русского народа”! А если во главе этих отделов будут стоять священники, то у нас и явится самая лучшая приходская община (организация)».

В развитие этой мысли, а также своего более раннего утверждения о том, что «единственная русская народная национальная организация — есть приход», епископ Андрей в том же 1908 г. заявил со страниц «Руси Православной и Самодержавной», что «ныне все отделы “Союза русского народа” (Каз.[анской] губ.[ернии]) должны немедленно преобразоваться в церковно-приходские советы, сохраняя свою связь с Казанским “Русским Собранием”, которое ставит своей целью развитие приходской взаимопомощи, — отсюда можно всегда получить и совет, и поддержку, и хорошую книжку». При этом он подчёркивал, что таким образом в каждом приходе возникнет «своя приходская здоровая, сильная, боголюбивая и царёволюбивая Дума», в которой «русский мужик в своих лаптях» не будет чужим, так как «это будет его собственное мужицкое, дорогое для него, церковно-приходское дело».

Не ограничиваясь одними лишь призывами, владыка и сам участвовал в распространении право-монархических идей как в самой Казани, так и в сёлах и деревнях Казанской губернии, которые часто посещал с пастырской миссией, призывая священников принимать активное участие в деятельности «Союза Русского Народа» (СРН) и содействовать открытию его отделов. Проповеди и статьи о. Андрея, а также информация о его деятельности, помимо столичных газет и местного «Деятеля», до и после революционной «смуты» 1905—

1907 гг. охотно публиковались правой прессой, в т. ч. — казанскими газетами «Казанский Телеграф», «Газета «Правых», «Русь Православная и Самодержавная» и «Черносотенец». Однако в условиях общественно-политического разлада, как среди самих русских людей, так и среди православного духовенства, а также начавшегося уже к этому времени раскола в местном черносотенном движении, его свежая и весьма перспективная идея о преобразовании «союзнических» отделов в церковно-приходские советы оказалась, к сожалению, неосуществимой.

«У НАС ЕСТЬ ТЕПЕРЬ ГЛАВА И ОТЕЦ...»

Первым подчёркнуто одобрительным публичным выступлением архимандрита Андрея перед черносотенной аудиторией следует считать его речь «О положении православия в России», произнесённую на общем собрании КО РС 6 декабря 1906 г., перед началом которого им же был отслужен молебен. «С искреннею радостью, — говорилось в нём, — принял я приглашение ваше, православные, помолиться с вами, и очень жаль, что ранее мне никогда не приходилось исполнить своего желания и участвовать в вашей молитве, несмотря на приглашения. Но если ранее я всем сердцем, отсутствуя, молился Богу о даровании вам успеха, то тем с большим душевным удовлетворением вместе с вами благодарю Господа за его св.[ятую] помощь в делах ваших». Подчеркнув, что «в таком трудном деле, как служение ближним и даже всему государству, особенно и настойчиво необходима молитва, и пастырь церкви должен бы быть первым почётным гостем во всяком обществе, выступающем на широкое служение людям», архимандрит Андрей посетовал, что, к сожалению, «не то мы видим в жизни, и молитвою начинают своё дело только так называемые “истинно-русские люди”, все же “остальные «партии»” о молитве всецело забывают, а те пастыри, которые к этим “партиям” имеют неосторожность принадлежать — остаются в задних рядах, так сказать, в хвосте этих партий, роняя тем своё великое звание».

«Что же это за странные партии? — вопрошал он. — Оне христианские? Они — русские?»

Да, пожалуй, — христианские, по крайней мере, на словах...

Да, оне, пожалуй и русские, — по крайней мере оне не отрицаются от своего русского происхождения.

Ну, а на деле-то все члены этих партий христианства во главу своей общественной деятельности совсем не ставят. Религия в их программе стоит по необходимости, — религия у них — только лишь “религиозный вопрос” в программе. Христианская религия для них — это одна из многих; великую православную веру с её великими догматами о Боговочеловечении и Богосыновстве они не только сравнивают с другими религиями, но очень часто не отдают ей никакого преимущества. Говоря короче, для этих партий христианство и религия вообще — это пережитки прошлого, и они ничего не имели бы, если бы всё это и “упразднилось”, лишь бы без опасных “общественных потрясений” это произошло. Как люди безрелигиозные, они более всего дорожат собою и более всего боятся этих “общественных потрясений!”...» Большие сомнения, по мнению архимандрита Андрея, возникают и в том, что в таких партиях состоят русские люди, так как: «Русский, по народному пониманию, — должен быть непременно православный. А если кто не православный, то кто бы он ни был — русский человек его не признает русским. И поэтому, когда “истинно-русские” партии так себя называют, то тем только и хотят сказать, что оне православные и православие ставят во главу угла своей жизни».

«Громадную задачу, — говорил архимандрит Андрей, — взяли на свои плечи организаторы православного русского народа, и если посмотреть на жизнь, то, кажется, всё стремится им противодействовать; воссоединить всю Русь православную, собрать её воедино, когда её разрывают на части — великий труд. Но всему благому помощник Бог, и сильный Его помощью никогда, никогда не будет побеждён». Одновременно он подчеркнул, что «Русскому Собранию» и «Союзу Русского Народа» может и должно помочь духовенство православное, но и сами состоящие в них православные люди должны были, по мнению архимандрита Андрея, способствовать возрождению православной церкви и духовенства. «Помогите им, православные! — взывал он к черносотенцам. — Укажите своим пастырям в подробностях, что должны они теперь делать, не допускайте их до партийной борьбы и помогите им организо-

вать всю приходскую жизнь и в частности приходскую миссию».

«Господь да благословит дальнейшие начинания ваши! — завершил свою эмоциональную речь перед членами КО РС архимандрит Андрей. — Не смущайтесь громадными затруднениями, которые будут встречаться вам на пути; чем святее дело, тем более бывает препятствий к осуществлению его, но верьте: Господь помощник ваш во всяком добром деле вашем. Аминь».

Призывы и наставления архимандрита Андрея нашли живой отклик в сердцах местных черносотенцев. Уже 10 января 1907 г. на заседании КО РС было доложено о том, что члены созданной в декабре 1906 г. «Областной Управы Объединённого Русского Народа» В. Ф. Залеский (председатель Совета Казанского «Царско-Народного Русского Общества» и Совета Казанского Губернского отдела СРН), А. Т. Соловьёв (председатель Совета КО РС и Комитета КОТ) и А. И. Кукарников (председатель Совета «Общество церковных старост и приходских попечителей города Казани» и Совета Боголюбского отдела СРН) избрали в её члены и архимандрита Андрея. Согласно ряду документальных свидетельств, он вскоре был избран также председателем Областной Управы. Однако 6 мая 1907 г. на заседании Совета КО РС было заявлено, что, «согласно п. 2 циркуляра Совета Министров от 14 сентября 1906 года за № 1445», архимандрит Андрей не может быть её членом, да и самой Областной Управы «устроено не будет, а будет Губернская Управа». Тем не менее многие казанские черносотенцы и без соблюдения этих организационных формальностей считали своим общим духовным лидером архимандрита Андрея и желали именно его видеть во главе местного право-монархического движения.

Ни на минуту не забывал о. Андрей и о своих прямых обязанностях, большая часть которых была связана с осуществлением миссионерской деятельности. А тем временем анализ состояния казанской миссии подвёл его к окончательной мысли о насущной необходимости сосредоточения заведования всей миссионерской деятельностью в Казанской епархии в руках одного vicарного архиерея.

Как вспоминал 17 августа 1911 г. в своей речи на общем собрании БСГ о. Андрей, будучи уже епископом, в мае 1907 г. он был вызван в Санкт-Петербург тогдашним обер-прокурором Св. Синода П. П. Извольским,

попросившим его приблизительно в недельный срок письменно изложить свои взгляды «на улучшение миссионерского дела в Казанской епархии». «Я исполнил возложенное на меня поручение, — отмечал владыка, — и говорил в своём проекте о необходимости объединить все просветительные учреждения в одних руках с возложением ответственности за дело миссии на одно лицо, а не на несколько учреждений». П. П. Извольский, которому ещё до визита архимандрита Андрея были «нарисованы самые безотрадные картины» жизни Казанской епархии, прислушался к его предложениям и — с некоторыми изменениями первоначального проекта — при энергичной поддержке мысли об объединении казанской миссии митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (в миру — А. В. Вадковским) дал делу ход.

3 сентября 1907 г. Императором Николаем II был утверждён доклад Св. Синода «об учреждении в Казанской епархии на местные средства кафедры третьего викарного епископа, с присвоением ему именованного Мамадышский и с предоставлением ему заведывания миссионерскими курсами в гор. Казани, вместо ректора Духовной Академии, почему не считать эти курсы впредь состоящими при Академии и внести в их устав соответственные изменения, и о бытии наблюдателю названных миссионерских курсов, архимандриту Андрею, Епископом Мамадышским, с тем, чтобы наречение и посвящение его были произведены в г. Казани». Согласно последовавшему за этим указу Св. Синода от 13 сентября того же года, данному архиепископу Казанскому и Свияжскому Димитрию (в миру Д. И. Самбикину), первый параграф устава Казанских миссионерских курсов был изложен в следующей формулировке: «Учреждённые в г. Казани миссионерские курсы имеют целью доставлять научно-практическую подготовку для деятелей против магометанства и язычества». Одновременно с этим в новой редакции устава указывалось: «Председателем педагогического Совета миссионерских курсов состоит викарий Казанской епархии, заведующий делами миссии, который есть вместе с тем и настоятель миссионерского Спасо-Преображенского монастыря». Тем же синодальным указом ректор КДА — первый викарий Казанской епархии, епископ Чистопольский Алексей (в миру А. Я. Дородницын) был освобождён от управления Казанским Спасо-Преображенским миссио-

нерским монастырём, который поручался «в управление, на правах настоятеля, Епископу Мамадышскому: с присвоенным настоятельской должности содержанием из доходов сего монастыря и с положенным по званию Председателя Педагогического Совета миссионерских курсов жалованьем».

3 октября 1907 г. в Казанском Спасо-Преображенском монастыре архимандрит Андрей был наречён, а 4 октября — хиротонисан во епископа Мамадышского, став первым в истории (и третьим по определению) викарным епископом Казанской епархии по миссионерской работе и иногородческим приходам, а также первым председателем Педагогического Совета Казанских миссионерских курсов [11]. О том, что согласие возглавить в архиерейском сане всю православную миссию в Казанской епархии далось ему очень нелегко, можно судить по содержанию речи, произнесённой архимандритом Андреем при наречении в епископы 3 октября 1907 г. Как из неё, в частности, следовало, развеять тяжкие сомнения по поводу возложения на себя столь тяжёлой ответственности, архимандриту Андрею помогло лишь мудрое наставление о. Иоанна Кронштадтского, который, по сути дела, лично благословил его на архиерейское служение. «А это служение в настоящее время, — подчёркивал Андрей с присущей ему пророческой откровенностью, — скажу честнее, — в ближайшее десятилетие представляет из себя в нашем отечестве задачу совершенно исключительную по своей важности, по своей безмерной трудности. Действительно, что мы видим на святой Руси?»

Страшное падение нравов, распад семьи, грязный разврат, открыто себя рекламирующий, полное падение авторитетов, — такова жизнь общественная.

Полное и небывалое по легкомысленности пренебрежение истинами православного учения, отвержение всего предания церковного и отпадения от церкви и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе — вот чем характеризуется жизнь церковная.

И как последствие всего этого — опасность уже за существование нашего отечества, уже борьба русских, православных людей “за целость и неделимость России”, русского Православного Царства.

Можно сказать, что обстоятельства, среди которых мы живём, — совершенно небывалые для нашего отечества». Но здесь же — после горьких слов о современном ему состоянии церковной жизни —

новонаречённый епископ Андрей вновь продемонстрировал свою верность славянофильским идеалам. «Что же может спасти нас, сберечь наше православное отечество, возратить святой Руси её былую славу? — задался он вопросом и сам ответил на него. — Верую и твёрдо убеждён я, что, как выросла св. Русь около Церкви Православной, так и воссоздать её может только родное Православие.

Поэтому я жду на Руси великого дня, когда соберётся Собор Русской Церкви, в присутствии кротчайшего, христианнейшего Царя нашего, благочестивейшего Николая Александровича. Не безрелигиозные сборища самозванных гордецов, не толпы людей, ничем не объединённых и друг друга ненавидящих, укажут нам новые пути общественной и государственной жизни, а Собор иерархов церковных, вместе с лучшими представителями от мирян, в полном согласии и любви сошедшихся и с христианскою твёрдостью говорящих правду правдолюбивейшему из Царей. И когда устроятся дела церковные, умиротворится смятенный ныне дух народный, когда православный русский народ окружит тесным кольцом своих архиереев и объединиться с ними, — когда обновится православная Русь, тогда возвратится мир и радость всей нашей общественной жизни во всей её совокупности».

Возлагая в данном отношении большие надежды на право-монархические силы, епископ Андрей — в своём новом архиерейском качестве — ещё теснее сблизился с казанскими черносотенцами. Так, в октябре 1907 г. местные эрэсовцы обратились к архиепископу Казанскому и Свияжскому Димитрию (в миру Д. И. Самбикину) с просьбой «об устройстве комитета для борьбы с противохристианской печатью, подрывающей основы православия» [12]. «Его высокопреосвященство, — сообщалось в газете «Казанский Телеграф», — предложил устроить комитет епископу Мамадышскому Андрею, и уже первое заседание было 14, и второе будет 22 октября». Вскоре в прессе стало фигурировать название — «кружок борьбы с противохристианской литературой» (или — «кружок борьбы с печатью, направленной против Православия»). Его заседания, как информировал читателей «Казанского Телеграфа» в ноябре того же года сам епископ Андрей, проходили еженедельно в помещении КО РС.

Однако к этому времени в местном право-монархическом движении уже начали

открыто проявляться внутренние противоречия, приведшие в скором времени к целой череде скандальных расколов и публичному «выяснению отношений» между двумя черносотенными руководителями — В. Ф. Залеским и А. Т. Соловьёвым. После того, как было принято решение не создавать «Областную Управу Объединённого Русского Народа», а заменить её на «Губернскую Управу Объединённого Русского Народа», вновь встал вопрос о председательствовании в последней. При этом В. Ф. Залеский, как председатель Совета Казанского Губернского отдела СРН, попытался перетянуть лидерское «одеяло» на себя, против чего категорически выступили «соловьёвцы». 22 августа 1907 г. Совет КО РС не нашёл возможным согласиться с решением казанских «союзников» «признать за Казанскими монархическими обществами право участвовать в заседании по четыре члена, из которых один с решающим голосом», усмотрев из него, что «объединённые собрания будут производиться под председательством [В. Ф.] Залеского». Подчёркивая, что «председателем Областной Управы был избран архимандрит Андрей, а так как Областная Управа заменена Губернской Управой, и нового избрания в Управу сделано не было», казанские эрэсовцы приняли решение «признать председателем объединённых обществ также о. Андрея до тех пор, пока не будет получено распоряжение о замене его другим председателем, и тогда он должен быть избран председателями [Советов]» (присовокупив к этому, что В. Ф. Залеского «председателем объединённых обществ никто не выбирал»).

Таким образом, Андрей оказался косвенно вовлечён в начавшееся противостояние между сторонниками В. Ф. Залеского и А. Т. Соловьёва на стороне последнего. 24 октября 1907 г. на заседании Совета КО РС было заслушано отношение Главного Совета СРН от 24 сентября того же года на имя А. Т. Соловьёва «о том, что Главный Совет согласен со взглядом председателя [Казанского отдела] «Русского Собрания» и просит его умиротворять отделы и назначать председателя по его рекомендации». «Причём, — сообщалось в протоколе данного заседания, — председатель доложил, что председателем объединённых советов был епископ Андрей, а потому он предлагает считать по-прежнему председателем епископа Андрея. Постановлено: единогласно согласиться с предложением

председателя». Здесь же А. Т. Соловьёвым было доложено, что в «соединённом заседании» КО РС, «Общества церковных старост и приходских попечителей города Казани» и Боголюбского отдела СРН «избран председателем Губернской Управы [Объединённого Русского Народа] Епископ Андрей и товарищем [председателя] Н. Н. Галкин-Врасский».

К сожалению, изученные мною документы не дают пока ясного представления о дальнейшей судьбе «Губернской Управы Объединённого Русского Народа». Вместе с тем они свидетельствуют о том, что епископ Андрей в скором времени действительно был единогласно избран руководителем созданной «соловьёвцами» черносотенной структуры, известной под названием «Объединённых монархических обществ и союзов при Казанском отделе “Русского Собрании”». Вот как сообщалось об этом в протоколе Общего собрания КО РС 6 декабря 1907 г.: «Пред молебствием председатель [Совета Казанского отдела] “Русского Собрании” выразил Епископу Мамадышскому Андрею благодарность Обществу за его сочувствие Обществу, деятельное участие в его делах и за то, что он изъявил согласие стоять во главе объединённых русских обществ, и вручил ему с разрешения Архиепископа [Казанского и Свияжского] Димитрия посох.

В ответ на это Епископ Андрей, поблагодарив Общество, выразил желание, чтобы все члены помогали ему в его деятельности на благо Казанской епархии, и после молебствия занял председательское кресло. После чего председателем [Совета Казанского отдела] “Русского Собрании” был сделан доклад о деятельности Общества, затем Р. В. Ризположенским были прочитаны выдержки из отчёта о деятельности Общества».

Затем епископом Андреем был прочитан доклад, «обращённый, главным образом, к съехавшимся из деревень председателям [отделов] “Союза Русского Народа”, в котором он указал им, в чём должна быть проявлена их деятельность, сообщил свои наблюдения из поездки по епархии». «Речь Владыки, — сообщалось здесь же, — произвела сильное впечатление на присутствующих, и председатели отделов постановили: поднести Епископу Андрею благодарственный адрес <...>».

В адресе за подписью тридцати пяти человек, представлявших целый ряд «союзнических» отделов, в частности, говори-

лось: «Мы, уездные представители “Союза Русского Народа”, выслушав вашу речь, обращённую к нам 6-го сего декабря, от глубины души приносим вам великую благодарность, так как ваши слова глубоко запечатлелись в сердцах наших, и поэтому мы исполним и передадим их для исполнения односельчанам нашим; особенно же благодарим вас за то, что вы приняли на себя главенство и руководство нами. И думаем мы, что вы, владыко святой, как председатель, избранный нами, а также и казанскими объединёнными русскими монархическими обществами, всегда будете с нами; мы же, с настоящего времени, будем твёрдо знать, что у нас есть теперь глава и отец, к которому мы со всякою охотою будем приходить с нашими как духовными, так и общественными нуждами, требующими разъяснения и помощи от объединённых монархических союзов, под вашим главенством состоящих». Одновременно местные «союзники» попросили епископа Андрея благословить их на «труды и подвиги к дальнейшему объединению всех русских людей по зову возлюбленного нашего Царя-Батюшки, который сказал: “Объединяйтесь Русские люди, я рассчитываю на вас” [13].

Откликаясь на обращённые к нему просьбы местных черносотенцев, епископ Андрей, тем не менее, благоразумно не стал вмешиваться в разрастающийся внутренний конфликт и, судя по всему, уже в скором времени передал свои председательские полномочия в «объединённых обществах» А. Т. Соловьёву. Однако, несмотря на это, местные эрэсовцы и дальше продолжали числить его не только своим «главой и отцом», но и главой казанских «союзников» отказываясь признавать таковым В. Ф. Залеского. На одном из своих заседаний 2 декабря 1909 г. они заслушали отношение Главного Совета СРН с запросом «о том, кого “Русское Собрание” считает Губернским председателем Совета [СРН]»? «Постановлено: — сообщалось далее в протоколе заседания, — уведомить, что в Казани после избрания Епископа Андрея никто в председатели Губернского Отдела не избирался, отделы по делам обращаются к председателю [Совета Казанского отдела] “Русского Собрании”, с [В. Ф.] Залеским “Русское Собрание” общения не имеет и иметь не будет».

В то же время епископу Андрею, пожалуй, единственному из руководителей местного право-монархического движения,

удавалось остаться «над схваткой» между образовавшимися в результате его раскола черносотенными «лагерями». Его духовный авторитет был настолько велик и непререкаем, что противоборствующие стороны терпеливо сносили любую критику с его стороны в свой адрес, не выводя епископа Андрея «за рамки» своих сторонников, что с лёгкостью проделывали по отношению друг к другу.

Так, в дальнейшем, в числе прочих, епископ Андрей был избран почётным членом Первого Волжско-Камского Областного патриотического съезда, проводившегося в Казани с 21 по 25 ноября 1908 г. под эгидой профессора В. Ф. Залеского, на котором активно выступил в прениях по докладу председателя Совета отдела СРН в селе Кулюки Лаишевского уезда Казанской губернии о. В. Е. Бетьковского «Духовенство и приход», а также по докладу профессора В. Ф. Залеского «По инородческому вопросу».

Как сообщалось в отчёте о съезде, помещённом в «отдельном оттиске» из харьковского журнала «Мирный Труд», в прениях по первому из перечисленных докладов он «обратился к собранию с весьма поучительной речью». «Объединяйтесь, открывайте приходские попечительства, начинайте с дела благотворения и постепенно восходите к народному образованию и другим высоким задачам», — наставлял, в частности, участников съезда епископ Андрей. Что же касается прений по докладу профессора В. Ф. Залеского и выступлений поддержавших его ораторов, то здесь не обошлось без возражений епископа Андрея по поводу принципиального для него вопроса постановки инородческого образования. Примечательно, что к высказанным им замечаниям присоединился и другой известный в черносотенном лагере князь — почётный председатель съезда, один из отцов-основателей и руководителей «Союза Русских Людей» князь А. Г. Щербатов.

При этом участие епископа Андрея в «антидубровинском» съезде, от которого В. Ф. Залеским намеренно были отстранены верные председателю Главного Совета СРН «соловьёвцы», отнюдь не сделали его «персонай нон грата» в КО РС, «объединённых обществах» и КОТ.

В это время одним из общих забот владыки и казанских эрэсовцев являлось увековечение памяти митрополита Ефрема. Ранее епископ Андрей всецело поддержал решение КО РС о возведении часовни над «пещеркою» с его мощами, лично зани-

мался сбором средств на её строительство. Судя по документам, именно епископ Андрей первым — на заседании Совета КО РС 25 февраля 1909 г. — предложил казанским эрэсовцам «обратиться к дворянству и к городу, не найдут ли они возможным принять участие в устройстве часовни и составить строительный комитет». Те одобрили данное предложение и тогда же сформировали предварительный состав Комитета, в который, помимо самого епископа Андрея и А. Т. Соловьёва, были включены такие известные лица, как епископ Чистопольский Алексей (в миру А. Я. Дородницын), профессора А. И. Александров и Н. Ф. Катанов, архимандрит Варсонофий (в миру В. М. Лебедев), ключарь Казанского Кафедрального Благовещенского собора П. А. Рождественский и протоиерей того же собора, член Казанской Духовной Консистории А. П. Яблоков. В довершение всего, принимая во внимание «отзывчивость епископа Андрея на желания общества», на заседании Совета КО РС 18 марта 1909 г. было решено избрать его почётным членом отдела.

Однако епископу Андрею в его бытность настоятелем Казанского Спасо-Преображенского миссионерского монастыря так и не удалось увидеть часовни-памятника над могилой митрополита Ефрема, возведение которой началось уже после того, как он покинул Казань и одноимённую епархию. Сдавая в августе 1911 г. «по описи» монастырское хозяйство, он сделал специальную приписку к соответствующему «Акту», в которой, в частности, отметил: «Долгом считаю ещё сказать, что мною было собрано на ремонт «пещерки» около 800 руб. <...> Эти все деньги мною переданы Русскому Собранию, его председателю А. Т. Соловьёву, чтобы ускорить начало ремонта «Пещерки». К сожалению, мои надежды не оправдались».

Среди социальных проектов КОТ, к реализации которых был непосредственно причастен епископ Андрей, важное место занимал также проект создания в Казани так называемого «Дома трудолюбия», идею которого общество в разной форме вынашивало с первых лет своего существования. Придавая особое значение методу трудотерапии (рассматривавшемуся в качестве наиболее эффективного средства борьбы с такими негативными явлениями, как безработица, нищенство, бездомность, проституция и пьянство), КОТ настойчиво убеждало губернские, земские и городские

власти организовать учреждение, в разной мере объединяющее в себе функции биржи труда, работного дома, ночлежного приюта и благотворительно-просветительного заведения. Однако сделать это оказалось достаточно трудно, так как в Казани у многих «отцов города» был ещё на слуху первый неудачный опыт подобного рода социального экспериментаторства. В 1880-х гг. — при городском голове С. В. Дьяченко — здесь была сделана попытка создать дом призрения безработных, под которое отвели специальное здание в Игумновой слободе и выделили значительные средства из городского бюджета. Но из-за неумелой постановки дела данное учреждение было вскоре закрыто, а указанные социальные проблемы со временем приобрели ещё более угрожающий характер.

«Одним из дефектов Казанского городского хозяйства, — писал в феврале 1912 г. журнал «Деятель», — является отсутствие учреждения, ставящего своею прямою и исключительною целью идти навстречу нуждам безработного и, вследствие этого, обездоленного люда. Казань (город и земство) субсидирует театр, музеи, порой ничемные эксперименты, устраивает пресловутые [лотереи-]аллегри, куда-то и на что-то жертвует, но нужды люда безработного, люда, очутившегося, благодаря или роковым случайностям, или, наконец, благодаря своим ошибкам и заблуждениям, в безвыходном (не фигурально) положении, Казань совершенно игнорирует. Такая небрежность, чтобы не сказать более, культурного интеллигентного центра, каким считает себя Казань, не простительна, да и вредна в практическом отношении, т. к. этот дефект, в конечном результате, недёшево обходится горожанам».

КОТ полагало, что пора уже отказаться от традиционных форм благотворительности, лишь умножающих армию профессиональных попрошайек, и сконцентрировать материально-финансовые возможности на одном приоритетном направлении, позволяющем решать данные проблемы в комплексе и с высокой степенью эффективности. «Есть, напр., благодетели и благодетельницы, — писал «Деятель», — жертвующие по мелочам тысячи рубл. ([А. Х.] Шамова, [О. С. Александрова] Гейнс и др.) и не подозревающие или не хотящие подозревать, что подачки их наивернейшим образом увеличивают пьянство, проституцию и гибель вообще. И выходит, таким образом, что и дающие и получающие

дружно работают во славу кабака, разврата и мелкого мошенничества. А что особенно скверно, нелепо и оскорбительно, так это то, что всё это проделывается под флагом: Христа — ради!..».

По мнению казанских трезвенников, местным благотворителям и городскому управлению следовало бы лучше вместо этого устроить в Казани «Дом трудолюбия» по примеру аналогичных учреждений, существовавших в Кронштадте и в Самаре. «Работа в этом доме трудолюбия (назовём его этим шаблоном), — разъяснял «Деятель», — должна быть разнообразна: кто что может. Местные пароходовладельцы и судовщики дадут разделявать паклю; легко осуществимо: трепать мочало, делание щётки, швабр, тюфяков, плетение матов, ковриков, витьё верёвок. Работы картонажные, переплётные; явится со временем интеллигентный труд: переписка, черчение. Возможны работы столярные, живописные и мн. другое. Будут, несомненно, работы и на улице: вокзал, трамвай, театр (расклейка афиш), сама [Казанская Городская] Управа, наконец, будет охотно брать трудолюбцев на подённую работу. Независимо от этого будущий дом трудолюбия может и должен бороться с увеличивающимся всё более и более пьянством».

В более конкретной форме вопрос о создании в Казани «Дома трудолюбия» был поставлен на заседании «Комитета для устройства в г. Казани Общеприходского Благотворительного Дома», проходившем 20 марта 1911 г. [14]. Председатель Комитета епископ Андрей заявил, что «этот дом, во-первых, было бы благовременно и целесообразно посвятить дорогому имени недавно почившего молитвенника всей русской земли о. Иоанна Кронштадтского, во-вторых, назвать его Домом Трудолюбия и устроить на тех началах, какие были положены в доме призрения в г. Кронштадте». «Благотворение, соединённое с предложением каждому из бедняков подходящего, посильного труда, — подчёркивал он, — вдвойне ценно: оно не только поддерживает бедняка в нужде, но и поднимает его энергию, развивает дарования. <...> Несомненно, что и местное общество охотнее пойдёт на помощь Дому Трудолюбия особенно, когда увидит, что мы уменьшаем нищенство в Казани».

После обмена мнениями члены Комитета сочли правильным поддержать предложение епископа Андрея и остановиться

на названии «Дом трудолюбия», полагая, что «это название не противоречит пожеланиям общеприходского собрания», а также, помимо прочего, постановили обратиться к Казанской Городской Думе «с просьбой о предоставлении комитету в бесплатное пользование, на первый раз, части городского дома в Игумновой слободе, отремонтировав его на средство города», и единогласно избрали попечителем «Дома трудолюбия» («когда он откроется») купца С. А. Землянова.

Однако уже в июне 1911 г. Андрей был назначен епископом Сухумским и покинул Казанскую губернию, а это благое начинание, в конце концов, «утонуло» в многочисленных согласованиях. Не дожидаясь, пока «отцы города» и местные благотворители окончательно проникнутся его важным социальным значением, казанские трезвенники сами сделали первые шаги в данном направлении. «Доложено председателем, — сообщалось в протоколе «засе-

дания собрания «[Казанского] Общества Трезвости» 16 февраля 1912 г., — что в приюте «[Казанского] общества трезвости» клеят пакеты, щиплют паклю, шьют кули. Пакля доставлена С. А. Земляновым, кули — М. Л. Свешниковым и пакеты — из разных мест. Помещение для работ тесно, а потому следует для способных к труду открыть Дом Трудолюбия в Подлужной [улице] на 100 человек. Постановлено: оттопить и устроить для дома трудолюбия деревянный дом в саду». Однако должного широкого развития сия инициатива не получила. Не вызывает сомнения: останься подольше епископ Андрей в Казанской губернии — дела бы здесь обстояли значительно лучше. Как с явным сожалением констатировалось в отчёте о деятельности КОТ за 1912 г., «принимавший деятельное участие в делах Общества и всею душой относившийся к нему Епископ Мамадышский Андрей переведён в Сухум».

Примечания

1. Согласно определению Н. Н. Брешко-Брешковского. — И. А.

2. «В XIX веке, — писал М. Л. Зеленогорский, — в роду вновь возобладали военные традиции: дядя будущего епископа Леонид — адъютант Нахимов, впоследствии сам адмирал, оставивший интересные мемуары; две тётки были замужем за морскими офицерами — участниками Севастопольской обороны; другой дядя — адмирал — участник обороны Порт-Артура. Отец десять лет служил на флоте и пожелал, чтобы оба его сына — Александр и Алексей — учились в кадетском корпусе, который закончил он сам и его братья». — И. А.

3. Здесь и в ряде других случаев цитируются фрагменты из помещённого в книге М. Л. Зеленогорского «Краткого жизнеописания епископа Уфимского Андрея...», которое приводится в последней с разъяснением, что: «Это воспоминание записано мною, игуменом Илиёй в Уфе от благочестивой христианки Шаминой Елены Ивановны, проживающей в городе Уфе». — И. А.

4. Известно, в частности, что он являлся одним из немногих почётных членов «Русского Собрания», а также почётным членом его Казанского отдела и «Казанского Общества Трезвости». «Преосвященным Антонием, бывшим ректором дух.[овной] академии, — говорилось, в частности, в отчёте о деятельности последнего с 1 сентября 1899 г. по 1 января 1901 г., — совершались молебствия при всех начинаниях Общества, и руководимые им студенты принимали деятельное участие в просветительной деятельности Общества». — И. А.

5. Впоследствии он стал почётным членом КОТ. — И. А.

6. Строительством и обустройством собственного храма общество занималось без малого шесть лет. Решение приступить к его возведению было принято на очередном заседании Комитета КОТ 4 мая 1901 г. Мысль об устройстве храма принадлежала будущему епископу Чистопольскому Анастасию (в миру А. И. Александрову), через которого поступило и первое пожертвование на него. Первоначальный план и смету строительства храма безвозмездно составил архитектор И. И. Колмаков, который был избран за это членом-соревнователем КОТ. Вначале казанские трезвенники планировали возвести большой храм, но со временем выяснилось, что таковой «не мог быть выстроен, так как средства общества были очень малы», по причине чего пришлось значительно подкорректировать масштабы строительства. Храм во Имя Всемилостивого Спаса, ставший духовным центром казанских трезвенников, эрэсовцев и представителей близких к ним просветительно-благотворительных и общественно-политических организаций, открылся 27 апреля 1907 г. на улице Подлужной в городе Казани. Освятил Храм во Имя Всемилостивого Спаса епископ Чистопольский Алексей (в миру А. Я. Дородницын). Первым старостой его был избран профессор А. И. Александров (впоследствии старостой храма продолжительное время являлся известный профессор Н. Ф. Катанов), а священником стал о. А. М. Троицкий. — И. А.

7. Позднее — в № 8 журнала «Деятель» за 1904 г. — было также опубликовано его слово «На память о Сарове», произнесённое в храме Живоносного источника в Саровской пустыни 17 июля 1903 г. — И. А.

8. Цит. по: Новомученик Епископ Андрей Уфимский. <http://rpnsd.ru/rusorth/archiv/1-uhomsky.html>

9. В оригинале протокола первоначально вместо «похлопотали» содержалось выражение «постарались провести». — И. А.

10. Так, на первых порах он особенно недоумевал по этой части относительно деятельности «Общества церковных старост и приходских попечителей города Казани», периодически вопрошая: «Где наше “общество” церковных старост!?!». — И. А.

11. Весьма показательно, что, по примеру Казанской епархии, к 1911 г. подобные же викариатства были учреждены с миссионерской целью в Астраханской и Ставропольской епархиях. — И. А.

12. В других источниках — «комиссии». — И. А.

13. Данный адрес, датированный 16 декабря 1907 г., был опубликован в газете «Казанский Телеграф» 8 февраля 1908 г. Причём, здесь же сообщалось, что поднесён он епископу Андрею был только «на днях». — И. А.

14. Создание «Общеприходского Благотворительного Дома» было поручено Комитету общим собранием приходских советов города Казани 27 января 1911 г. — И. А.

Сведения об авторе:

Алексеев Игорь Евгеньевич,

канд. ист. наук, главный советник отдела этнической политики Управления по вопросам внутренней политики Президента Республики Татарстан (Казань).

E-mail: alekse-igor@yandex.ru.